

18+
НАТАЛИ КУ

ПРЕДСКАЗАТЕЛЬНИЦА

Повесть о возвращении к себе настоящему

Натали Ку
Предсказательница.
Повесть о возвращении
к себе настоящему

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=53659494

ISBN 9785449861733

Аннотация

После горьких потерь и жестоких разочарований кажется, что жизнь никогда не будет прежней и того, кем ты был прежде, уже не существует. Но дорога к себе настоящему никогда не бывает закрыта. Не всегда лечит время, но лечат люди. А еще соленое море и цветущие гортензии, черный кот и письма из прошлого... И когда невыносимая боль сменяется светлой грустью, ты начинаешь верить маленькой предсказательнице, что многое у вас еще будет хорошо. И возвращаешься к себе тому, о котором давным-давно забыл.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	16
Глава 3	26
Глава 4	37
Глава 5	53
Глава 6	66
Дневник Эльзы	67
Конец ознакомительного фрагмента.	72

Предсказательница Повесть о возвращении к себе настоящему

Натали Ку

*Все герои вымышлены, все совпадения
случайны.*

Редактор Анна Феклисова

Корректор Лариса Кузнецова

Фотограф Натали Ку

© Натали Ку, 2020

© Натали Ку, фотографии, 2020

ISBN 978-5-4498-6173-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

Я сошла с электрички, и сильный порыв ветра едва не сбил с ног. Это меня не испугало, наоборот, показалось, что сама жизнь вытолкнула на новый этап. Я не знала, каким он окажется, но очень хотелось верить, что гораздо лучше, чем предыдущий.

Уютный городок на берегу Балтийского моря, где во второй половине осени почти не бывает туристов, только соленый морской запах и промозглый ветер. Меня это вполне устраивало. Новые люди мне сейчас требовались меньше всего, впрочем, как и старые знакомые. Я совсем не хотела никого видеть и ни с кем общаться.

Прямо рядом со станцией я заметила кафе-пекарню. Внутри вкусно пахло хлебом и свежей выпечкой. Я с удовольствием вдохнула этот аромат. Несмотря ни на что, маленькие радости я умела ценить всегда. Сейчас они особенно были мне необходимы, когда я знала, что большого счастья в ближайшее время не предвидится. Купив большой багет и пару круассанов, я вновь оказалась на улице, где завывал ветер.

Недалеко от дома, в котором мне предстояло жить в ближайшие месяцы, я обнаружила продуктовый магазинчик, где решила купить молока и немного сыра. Удивительно, но в этом месте мне удалось обнаружить настоящий швей-

царский сыр. Да, чудеса никто не отменял, стоит только быть повнимательнее, и их найдется немало.

Ключ от входной двери я должна была взять в доме по соседству. На небольшой улочке стояло всего несколько домиков в два-три этажа с красными черепичными крышами. На миг мне показалось, что я очутилась в австрийской деревушке. За оградами виднелись аккуратные, ухоженные участки, где-то с забавными фигурками, где-то со скамеечками, беседками и даже качелями. В темноте было никак не разглядеть номера домов, хотя на улице горели фонари, так что мне оставалось лишь гадать, какой из них окажется моим. Также я заметила, что далеко не все окна светились: видимо, многие приезжали сюда только в сезон. Но сначала надо зайти за ключом. Как сказал мне нотариус, ключ был у соседки, которая жила в третьем по счету доме с левой стороны улицы. Его я нашла быстро, во всех окнах горел свет.

Моей будущей соседкой оказалась женщина неопределенного возраста, которой можно дать как пятьдесят лет, так и семьдесят. В ее прихожей свет был такой тусклый, что, если бы его вообще не было, ничего бы не изменилось. Приоткрыв дверь и узнав, что мне нужен ключ от дома, где последние полгода никто не жил, она пригласила меня пройти.

– Нет, спасибо, уже совсем поздно, мне очень хочется отдохнуть с дороги, – попыталась я отказаться.

– Дорогая, я вас долго не задержу, только вспомню, куда ключи положила, да Мефистофеля принесу, вам же его надо

забрать.

– Какого Мефистофеля?

– Как какого? Вы что же, ничего не знаете про него?

– Понятия не имею, но вы меня, честно говоря, пугаете.

– Дорогая, не бойтесь, имя-то у него грозное, но сам он вполне себе миролюбивый, на первое время составит вам компанию, все же лучше, чем одной куковать. Или вы не одна сюда пожаловали?

– Одна. Но кто такой Мефистофель?

– Котяра вашего покойного батюшки. Не смогла я его выбросить на улицу. И хотя к нему прикипела, но все же дом его не здесь, – не дожидаясь моего ответа, женщина пошла за котом.

Вот так сюрприз. Я планировала жить в одиночестве, но, видимо, полное одиночество мне все же не грозит. Если честно, я даже обрадовалась – кот, конечно, не человек, но живое существо, а я никогда в жизни не жила одна.

– Вот он, красавец, – будущая соседка вручила мне огромного черного кота.

Кот попытался обнюхать мое лицо, лизнул в нос, а потом расслабился и повис на моих руках, не делая никаких попыток сбежать.

– Немного корма я вам дам, прикупила только на днях. Честно говоря, я не любительница кормить животных этой гадостью, но иногда она здорово выручает. Меня, кстати, Евгения Васильевна зовут, можно просто Женя, так меня ваш

отец звал. Чего-то мы сразу не познакомились, видимо, совсем я растерялась. Вы же Лиза? Можно я вас так буду называть?

– Да, конечно, – улыбнулась я. – Очень приятно, Евгения Васильевна. Петр Константинович сказал, как вас зовут.

Евгения Васильевна на пару секунд замолчала, с интересом глядя на меня. Как вдруг, словно о чём-то вспомнив, всплеснула руками и вновь затараторила:

– Вам же, наверное, есть нечего! Хотите немного продуктов дам? Крупы какой, яиц, чтобы хотя бы было чем поужинать и позавтракать. Завтра покажу, где основные магазины находятся.

– Спасибо, я заглянула тут в магазин неподалеку, купила немного продуктов. На ужин мне хватит.

– Туда лучше не ходить, мы живем в курортной части городка, здесь в магазинах все очень дорого, лучше ходить в другие магазины. Большой супермаркет прямо у въезда в городок. Если вы приехали на автобусе, то могли его видеть по дороге.

– Хорошо, спасибо за совет, буду знать. Я пойду, а то устала с дороги.

– Давайте я вас провожу, заодно кота помогу донести, а то у вас сумка, да еще и чемодан, только чего-то маленький какой-то. Вы надолго в наши края?

– На ближайшие пару месяцев.

– А дальше?

– Дальше я пока не заглядываю, предпочитаю жить сегодняшним днем.

– Вы не подумайте, я не любопытная, но за кота переживаю, он быстро привязывается к людям, как это ни странно для котов, да и магазин пора открывать, он же был местной достопримечательностью, до сих пор люди спрашивают, почему закрылся и когда откроется. Здесь развлечений немного, особенно в межсезонье, книги всегда выручали.

– Я пока ничего не знаю.

– А семья ваша когда подъедет? — женщина не унималась. Да, скоро обо мне будет знать весь городок.

– Моя дочь в ближайшее время приехать не сможет, — эти слова мне нелегко дались, но я должна была их произнести, причем произнести так, чтобы больше никто никогда мне не задавал вопросов про мою семью.

– А как же? — начала было снова Евгения Васильевна, но осеклась, поймав мой взгляд.

Не знаю, что она там смогла прочитать, но расспросы прекратились.

– Пойдемте, я отведу вас в дом и покажу, что там и к чему, — она взяла мою сумку, а кот так и остался у меня, одной рукой я держала его, а другой везла чемодан.

На улице в это время суток было ненамного светлее, чем в самом доме, но я сумела разглядеть свою новую соседку уже гораздо лучше. Она была слегка полновата, с карими глазами и каштановыми волосами до плеч, и скорее ей можно

было дать около шестидесяти, нежели больше или меньше, как я подумала сначала. Я пока не могла определить, что почувствовала к ней, однако явной симпатии или антипатии не было. Непонятно, как могут сложиться наши отношения. Но почему я об этом думаю?

– На своего отца вы не очень похожи, – сказала вдруг Евгения Васильевна, – он-то темный был, а у вас волосы светлые. А вот глаза как у Лидии Николаевны. Точно. Я сразу это увидела, когда вы вошли, даже оторопела от неожиданности. Взгляд только гораздо мягче.

И снова я не могла определить, приятны или неприятны мне ее слова.

– Я больше похожа на маму, – спокойно произнесла я, хотя о маме говорить хотелось еще меньше, чем об отце.

– Молодо выглядите, фигурка стройная, – продолжала между тем Евгения Васильевна, шустро семена по улице. – Мне думалось, вы старше по возрасту будете.

Я облегченно вздохнула, что дальнейших вопросов про маму не последовало.

Идти нам было недалеко, это меня очень обрадовало. Мой будущий дом располагался прямо напротив дома Евгении Васильевны. Он был, пожалуй, меньше всех на этой улице. Соседка открыла калитку, и мы прошли по короткой тропинке, выложенной плиткой. В темноте было не разглядеть, какого цвета фасад, а крыша, скорее всего, была такой же красной, как и у всех остальных домов. На первом этаже ко-

гда-то горела надпись «Книжная лавка», но сейчас я, скорее, догадалась, что на ней было написано. Завтра обязательно рассмотрю все получше.

– Вывеска включается кнопкой за дверью, – произнесла Евгения Васильевна, словно читая мои мысли, – она работает, я сегодня утром проверяла. Будете включать ее, когда снова магазин откроете. Так-то здесь все в неплохом состоянии. Сейчас почти зима, делать ничего не надо. Весной, может, подкрасите беседку и цветов посадите, будет красиво.

Уверенно открыв входную дверь, словно делала это много раз, соседка дала мне первой войти внутрь. Кот выпрыгнул из моих рук и через несколько секунд куда-то скрылся.

– На кухню, должно быть, побежал, он еще тот любитель поесть, но вы его не перекормите, разжиреет еще, и так уже в такого огромного превратился.

Через минуту Евгения Васильевна уже всю инструктировала меня, словно я собиралась гостить у нее, а не приехала в собственный дом, пусть и никогда здесь раньше не жила. Я понимала, что все было совсем не так, но с ощущением ничего сделать не могла. Мне скорее хотелось остаться одной.

– Воду откроете, она в подвале перекрыта, газ привозной, баллон на кухне, тоже открыть надо. Отопление здесь автономное, я его утром включила, Петр Константинович меня предупредил, что вы приедете к вечеру. Все должно было уже прогреться. Постельное белье в шкафу в маленькой комнате.

– А вы тут хорошо ориентируетесь, – не смогла удержаться я от замечания.

– А как же! В последние полгода жизни вашего отца, когда ему уже совсем худо стало, два раза в день заходила. До этого в гостях бывала, наши матушки соседскую дружбу поддерживали. Вам неужели не хотелось никогда приехать сюда и повидаться, особенно, когда жить ему оставалось совсем недолго?

– Не знала, – бросила я. Меньше всего мне хотелось сейчас оправдываться. Честно говоря, я вообще никогда не планировала сюда приезжать и тем более жить. Но жизнь распорядилась иначе.

– Вам что же никто ничего не сказал? – соседка смотрела на меня с удивлением и плохо скрываемым любопытством.

– Простите, но я действительно очень устала.

– Да-да, конечно, все разговоры потом. Я много чего могу рассказать вам про вашего отца, да и про бабушку тоже.

Я неопределенно пожала плечами. Сейчас я ничего не хотела знать, мне просто нужно было остаться одной, с котом, то есть, но без людей. Сутки в плацкартном вагоне вконец лишили меня всяких сил. Хотя в поезде никто и не пытался со мной заговорить, большую часть пути я просто лежала, отвернувшись к стенке на своей верхней полке, делая вид, что сплю. И пусть мне хотелось плакать, даже выть, но в тот момент я не могла себе этого позволить. Я мечтала, что смогу это сделать в самое ближайшее время и не могла дождаться.

ся, когда моя разговорчивая соседка оставит меня в покое.

– Ладно, Лиза, я пойду, если что звоните. Надеюсь, у нас с вами еще будет много времени для совместных чаепитий. Тем более, что ваш Мефистофель привык уж к обществу моей Матильды. Это кошка моя, – пояснила она, хотя мне было все равно, кто такая Матильда.

Через полчаса я наконец-то осталась одна внутри своего нового дома и смогла свободно все осмотреть без посторонних глаз. Дом был небольшой, две комнаты и кухня наверху, а внизу книжный магазин. По завещанию отца, я не могла переоборудовать книжный магазин во что-то другое, зато сам магазин могла открыть хоть завтра. Когда я только зашла в это помещение, то мне показалось, словно его закрыли всего пару часов назад. Книжные стеллажи, заполненные многочисленными книгами. Касса и вазочка с конфетами около нее. Была даже кофе-машина. Оставалось только смахнуть пыль, и завтра магазинчик был бы готов к открытию.

Конечно, в ближайшее время еще предстояло зарегистрироваться в налоговой, если я, действительно, планировала стать владелицей книжного магазина. Но пока еще не решила. Денег у меня немного, но на пару месяцев скромной жизни хватить должно.

Я поставила чемодан в маленькую комнату, которую определила как свою, потому что там были нежно-зеленые обои в мелкий розовый цветочек, а в другой соседней – строгие

синие. В комнате с цветочными обоями стояли двуспальная кровать с одним матрасом, темно-коричневый шкаф и кресло, обитое зеленым бархатом. Больше там ничего не было, да, наверно, и не уместилось бы. Даже шторы на окнах отсутствовали, видимо, потому что окна мансардные. Другая комната была центральной и более просторной, с двумя большими окнами. В ней располагались диван, шкаф и комод, на котором стоял небольшой телевизор. Скорее всего, комната, которую выбрала я для себя, была бабушкиной, а другая – папиной.

Вещи я пока раскладывать не стала, словно не решила, надолго я здесь или нет, хотя идти мне было не к кому и некуда. На самом деле вещей у меня почти не имелось, только необходимое нижнее белье, вторые джинсы, которые я купила перед самым отъездом, и пара свитеров, тоже новых. Из прежней жизни я ничего не взяла. Та одежда принадлежала другой женщине. Женщине, которой уже нет. К чему мне носить чужие вещи? Да и не хотелось вообще одеваться как-то особенно. Мне надо выжить. Для этого не нужна нарядная одежда. Она нужна для жизни, не для выживания.

Пока же я села на кухне, расположенной напротив моей комнаты, за небольшой столик. Кот тут же нарисовался рядом, стал тереться о мои ноги и громко мурлыкать. Неужели он так просто меняет своих хозяев? Я открыла бутылку молока и налила себе в большую красную кружку с белыми горошками, которую обнаружила в кухонном шкафу, отломи-

ла кусок свежего багета и стала с большим аппетитом есть. Багет был хорош, с хрустящей корочкой и нежной мякотью. Коту положила сухой корм, тот, что предупредительно оставила моя соседка. Хотелось и моему пушистому компаньону налить молока, но где-то я слышала, что кошачьи взрослые молока не пьют.

За небольшим мансардным окном дождь бился в стекло, недалеко от дома могучая ель гнулась под порывами ветра, но мне было очень уютно и, наконец-то, спокойно. Впервые у меня возникло ощущение, что я приняла правильное решение, приехав сюда. Кстати, плакать совершенно не хотелось, несмотря на все то печальное прошлое, которое я оставила за своей спиной. Да, жизнь никогда не будет прежней. Я больше не допущу, чтобы меня предали.

Глава 2

На следующее утро мне предстояла встреча с нотариусом. Были определенные условия, и лишь при их соблюдении я могла получить наследство от своего отца. Отца, которого никогда не видела в своей жизни. Но сначала я хотела рассмотреть мой дом снаружи. Территория, его окружавшая, была небольшая, но я увидела места, где можно в будущем посадить цветы и кое-какую зелень, а за самым домом обнаружила беседку, о которой говорила Евгения Васильевна. Остатки прошлогодней травы свидетельствовали о том, что ее регулярно подстригали, несколько узких, выложенных плиткой дорожек, тоже были в очень хорошем состоянии. Около забора на заднем дворе росли рядом молодые пихтовые деревья, уже создававшие впечатление живой изгороди с характерным ароматом. Дом оказался светлого бежевого цвета с красной крышей, как я и предполагала.

Я представляла, как вечером созвонюсь с Верой по скайпу и покажу ей, где сейчас живу, какое наследство мне досталось. Честно говоря, я так быстро собралась и уехала, что даже не успела сказать дочери, куда уезжаю и почему, но обещала это сделать в самое ближайшее время.

Я до сих пор не могла поверить, что уже живу в другом месте и начинаю новую жизнь. О наследстве я узнала совершенно случайно. Сначала думала, что все это какая-то глу-

пая шутка. Как-то я обнаружила в своем почтовом ящике заказное письмо от нотариуса из городка, название которого никогда не слышала. Но не пошла получать его на почту. Я вообще тогда никуда не выходила. Какое мне дело было до какого-то письма, когда мне казалось, будто вся моя жизнь разрушена? Но потом пришли документы о разводе, мне волей-неволей пришлось тащиться на почту и получать их, и вдобавок к документам работник почты выдал письмо от нотариуса.

Так в день, когда я стала свободным человеком, вдруг выяснилось, что несколько месяцев назад умер мой отец. Мы с ним не были знакомы, и я считала его давно умершим. Он оставил мне наследство в своем родном городке на берегу моря, недалеко от того места, где когда-то родилась я и которое покинула, будучи совсем маленькой. Я была так раздавлена разводом, что почти никак не отреагировала на то, что отец на самом деле был жив и совсем недавно умер уже по-настоящему. Я ничего не хотела от него, а в письме извещалось о том, что, если не вступить в наследство в течение определенного времени, начнет действовать вторая часть завещания, о которой мне ничего не сообщалось.

Я помню тот день, когда приняла решение уехать в городок моего отца, как бежала домой и молилась о том, чтобы дата вступления в наследство ещё не была пропущена. На мое счастье, оставалось всего несколько дней до последнего срока. Я позвонила по телефону, указанному в письме.

Мужчина, представившийся нотариусом, сказал, что ключи от дома я могу взять у соседки, он предупредит ее о моем приезде, но обязательно на следующий день после приезда я должна буду явиться к нему в контору, узнать полный текст завещания. Он кратко упомянул о книжном магазине моего отца на первом этаже дома, и о том, что магазин также наследуется мною, причем наследуется именно как книжный магазин, и ничего другого из него я сделать не смогу.

На следующий день я купила билет на поезд. Почему-то идея купить билет на самолет мне не пришла в голову, хотя он стоил даже дешевле. Наверно, мне требовалась эта дорога длиною в сутки, чтобы медленно, но безвозвратно покинуть свою прошлую жизнь, а не преодолеть расстояние в тысячу двести километров за час с небольшим, почти не осознав, что уехала оттуда, куда возвращаться не собиралась. И вот, спустя несколько дней после того, как я узнала о завещании, я входила в кабинет нотариуса с целью узнать подробности о своем наследстве.

Нотариуса звали Петр Константинович. Это был мужчина в летах, довольно приятной наружности, который, как он заявил, раньше приятельствовал с моим отцом. Отметив, как и Евгения Васильевна, что я мало похожа на отца, Петр Константинович принялся зачитывать завещание. Я села на стул и начала слушать. Текст оказался небольшой. Дом со всем содержимым в нем, а также магазин переходили ко мне только в том случае, если я проживу в доме и буду работать

в книжном магазине целый год. После этого я могу продать дом и магазин или поступить с ними, как пожелаю. Если условия не будут выполнены, то вступит вторая часть завещания, она будет оглашена в случае нарушения мною условий наследования. В течение года на мой счет будет ежемесячно поступать определенная сумма, которая позволит содержать дом и обеспечивать необходимый прожиточный минимум лично для меня. Еще мне предстояла определенная бумажная волокита для вступления в наследство, но Петр Константинович обещал со всем помочь.

– Я бы посоветовал вам устроиться на какую-то работу, помимо магазина, цены в нашем городке, особенно в курортный сезон, весьма высоки, а в областной центр каждый день не наездишься, – заметил Петр Константинович.

– А как же работа в магазине?

– Насколько я знаю, магазин приносил совсем небольшую прибыль, он, скорее, был увлечением вашего отца. В завещании не указано, какой график работы должен быть у вас в магазине, вы можете там работать всего несколько часов в неделю, смотря как дело пойдет. Вы кто по профессии?

– Я – филолог.

– Сейчас в санатории есть вакансия библиотекаря на полставки, никто не идет, они уже и требования снизили.

– Зарплата маленькая?

– Зарплата, действительно, невелика, но и работать всего четыре часа в день.

– Я подумаю.

– Думайте, но работа позволит вам быстрее адаптироваться на новом месте, да и лишняя копейка не помешает. Мефистофель, гляди, прожорливый? – улыбнулся нотариус. – Есть еще вакансии в продуктовом магазине, но сразу два магазина – это будет для вас слишком, так я думаю.

– А вы так хорошо осведомлены о вакансиях в городке? – полюбопытствовала я.

– Да, ко мне много людей приходят, то доверенность оформить, то посоветоваться по юридическим вопросам, за второе я денег не беру, но не отказываю. А еще жена у меня в местном пенсионном фонде работает, многое от нее узнаю, – засмеялся он. – Нет, я не сплетник, не хочу хвастаться, но порой знаю больше нашего мэра, однако же молчу, мне нельзя болтать. Иначе, сами понимаете, доверия не будет. А про свободные вакансии чего не сказать? К тому же отец ваш просил немного о вас позаботиться. Нет-нет, настаивать я не буду, – сказал он, видя мои удивленные глаза. – Я вижу, вы женщина самостоятельная, сами справитесь. Но, если что, готов прийти на помощь. Свои люди никогда не мешают.

– Чаек будете? – Петр Константинович тепло улыбнулся мне и поднялся с кресла, чтобы включить чайник.

– Нет, спасибо, – я покачала головой.

– А я не могу без чая. Кофе врачи пить запретили, так я полностью на чай перешел. С Евгением Васильевной познако-

мились? – между тем продолжил он. – Тоже свой человек, ей доверять можно. А вообще городок у нас чудный, я ведь тут в санатории отдыхал, а потом переехал, когда место нотариуса освободилось. Не смог без него, без городка этого и особого воздуха из смеси сосен и моря. Прикипаешь. До сих пор не перестаю удивляться, что есть такие места на свете. Волшебные. Туристов бы только поменьше, в последнее время очень шумно стало. Но они и развивают городок, без них он бы загнулся. Ну ладно, не буду больше вас задерживать, сами скоро в него влюбитесь, не сможете расстаться. Потом еще внуки будут к вам приезжать на все лето.

– А как в библиотеку устроиться?

– Сейчас телефончик дам, – порывшись в ящике стола, Петр Константинович протянул мне визитку. – Сразу главному врачу звоните, он там решения принимает. Иван Николаевич его зовут. Да, чуть не забыл сказать, на первых порах вам будет помогать вести дела в магазине бухгалтер вашего отца. Он заглянет к вам на днях.

К обеду меня уже приняли на работу, а после обеда я отправилась изучать городок, хотя и так уже прошла по нему немало, когда сначала ходила к нотариусу, а потом устраивалась на работу в санаторий. Городок, действительно, очаровывал. Он был не таким уж и маленьким, но уютным. Почти везде в курортной части, действительно, пахло морем и соснами. Пляж находился внизу, к нему можно было спу-

ститесь по канатной дороге, рядом с железнодорожной станцией, и прогуляться по длинному променаду. пляж был узкий, волны порой касались каменной набережной. Я решила, что буду гулять здесь при первой же возможности.

Наверху расположилось несколько ресторанчиков: рыбный, итальянский, с русской кухней. Имелись французская булочная, блинная, кондитерский магазин и магазин разнообразных чаев и кофе, молочная лавка и рыбный павильончик. Всюду встречались сувенирные лавки, но они меня привлекали гораздо меньше.

Вечером по скайпу я вывалила все свои новости на ошарашенную дочь. Вера смотрела на меня широко раскрытыми от удивления глазами, время от времени вставляя:

– Мама, ну ты даешь...

На самом деле я сама торопилась обо всем ей сообщить, чтобы она не задала ни одного вопроса. Последние несколько дней были настолько насыщенными, что я могла расплакаться от самого простого уточнения – настолько морально истощенной себя чувствовала. У меня было ощущение, словно я, пытаюсь обрести равновесие, иду по подвесному качающемуся мостику из одной своей жизни в другую и от одного неловкого движения или порыва ветра рискую упасть вниз.

– Верочка, я позвоню тебе потом, ладно. Извини, что ничего сейчас не спрашиваю про тебя саму, просто очень устала. У тебя ведь все хорошо? – я все-таки позволила себе один

вопрос.

– Мама, все хорошо. Но...

– Вера, не сейчас, – пришлось оборвать ее на полуслове. – Дай я приду в себя, отдохну, и потом мы поговорим с тобой подольше. Сейчас я просто хотела тебе сообщить, что со мной все в порядке.

– Мама, ну ты меня удивила! Не ожидала я от тебя такого. А...

– Пока, целую, – я снова ее прервала и закрыла ноутбук.

Я надеялась позвонить ей в самое ближайшее время, но сделала это значительно позже, чем планировала. Удивительно, но почти впервые с тех пор, как у меня родилась Вера, я чувствовала, что хочу, наконец, жить своей жизнью, а не жизнью дочери.

С Денисом я познакомилась через пару дней после приезда, он был бухгалтером моего отца и работал у него с самого открытия магазинчика. Денис оказался неожиданно моложе, чем я его себе представляла. Какой-то нескладный и худощавый, к тому же в старомодных очках с толстыми стеклами. Совсем не в моем вкусе. И почему я сразу начала оценивать его, как мужчину? Ведь он всего лишь папин работник, а теперь и мой. Работник, на оплату труда которого у меня нет денег, о чем я ему сказала, едва он успел представиться.

– Денис, я вынуждена вас сразу предупредить, что платить мне абсолютно нечем. Не представляю, конечно, как я сама

буду вести бухгалтерию, я в ней ничего не понимаю, но мне не хочется вас обманывать и тянуть с оплатой.

Он посмотрел на меня внимательно и смешливо своими голубыми глазами, которые из-за очков казались еще больше, чем были на самом деле.

– Ничего не надо. Ваш папа обо всем позаботился. Вы не должны мне платить ровно год. Через год вы поднимаете магазин или попросаетесь с ним. До этой поры я работаю за те деньги, что мне заплатил прежний владелец книжной лавки, то есть ваш отец.

Я удивилась и обрадовалась. Хотя какое-то облегчение.

– Здорово! Спасибо! Вы прямо мне груз с плеч сняли.

Он улыбнулся, похоже, ему были приятны мои слова.

– Работы здесь немного, я буду появляться нечасто. Раз в несколько месяцев, когда отчетность надо сдавать. Тем более сейчас все можно делать удаленно.

– Будете меня контролировать? – этот вопрос у меня возник сразу, как только я узнала о бухгалтере отца и не смогла удержаться от того, чтобы его не задать. Я ненавидела контроль. В санатории его было в избытке, я уже успела это почувствовать. А я была натурой творческой, хотя и давно забыла об этой своей стороне.

– Зачем? – усмехнулся он.

– Александр Павлович, должно быть, попросил, – в моем голосе сквозило легкое раздражение. Отец меня совсем не знал, не удивлюсь, если он решил, что мне нужен над-

смотрящий.

– Он попросил помочь, а не контролировать. Это разные вещи.

– Хорошо, простите, я не хотела вас обидеть.

– Почему вы подумали, что я обиделся?

Его слова вызвали у меня растерянность.

– Сама не знаю.

– Я подготовлю вам документы для открытия ИП в самое ближайшее время. Магазин сможете открыть примерно через неделю. Хорошо, что сейчас туристов немного, и вы почти ничего не теряете.

Глава 3

Работа в библиотеке мне пока нравилась больше, чем в моем магазинчике. В книжный магазин в основном заходили люди, которые так или иначе знали отца. Они заводили разговор про него, а мне было очень неловко признаваться, что практически любой житель городка знал этого человека лучше, чем я сама. В санатории персонал заглядывал в библиотеку нечасто, да и сами отдыхающие особо не баловали меня своим присутствием. Хорошо, что зарплата не зависела от количества посетителей. Был маленький, но твердый оклад. В ожидании читателей я сама погружалась в чтение, благо, что выбрать было из чего, и наслаждалась любимым с детства занятием. Это потом я читать практически забросила, а когда-то с удовольствием проводила все свободное время за чтением, уютно устроившись на широком подоконнике в нашей с мамой и бабушкой небольшой квартире. Тишина и запах книг – вот что окружало меня в библиотеке, и это оказалось неплохим лекарством.

Только на обеде в столовой санатория мне приходилось напрягаться и изображать из себя общительного человека. Я понимала, что если не хочу выделяться, то лучше поддерживать непринуждённые беседы, болтая обо всем и ни о чем конкретно, чем молчать и сторониться людей. Мои коллеги, в основном это были женщины, любили обсуждать посто-

альцев, особенно мужчин. Сегодня главной темой стал новоприбывший гость. И хотя обычно я пропускала подобные разговоры мимо ушей, что-то заставило меня прислушаться.

– Представляете, попросил себе отдельный номер. А у нас-то только на двоих номера предусмотрены, – сказала Лена, которая была администратором.

– И что, ты согласилась? – спросила ее медсестра Варя.

– А попробовала бы ты на моем месте не согласиться, – выразительно взглянула на нее Лена, поставив чашку на столик, – в его голосе было столько, даже не злости, а какого-то ледяного безразличия. Мне он чем-то маньяка напомнил. Слова лишнего из него не вытянешь, на людей не смотрит, куда-то в сторону взгляд отводит. Сразу попросил пригласить того, кто главнее меня, точнее сказал, что обратится к моему начальству. Начальство-то разрешает селить по одному в несезон, но такого почти не бывает, никто не требует. А этот... Пришлось уступить. И чего он людей чурается?

– Надолго остановился?

– Оплатил за четыре недели, потом неизвестно, – задумчиво произнесла Лена. —Слышала, Николай Борисович сказал, что какая-то сложная у него реабилитация. Чего-то с ногами серьезное. Ты знаешь, я ведь трость в его в номере видела, только не ходит он с ней. Гордый какой. Да, все мужики такие, не любят свою слабость показывать. Но ты знаешь, я тут уже давно работаю, как чуть прихватит их, то из своей болячки такого слона готовы раздуть.

– Думаю, этот парень одинок, да так один и останется, слишком уж угрюмый, таких женщины не любят, – с важностью вставила круглолицая Варя. – Если только кто-то от отчаяния не бросится на него.

– Ну не скажи, загадочные и молчаливые тоже женщин привлекают, – возразила вдруг до этого молчавшая Галина из аптекарского киоска.

– Ты, что же, его защищаешь? – хитро заулыбалась Варя.

– А вы, Елизавета Александровна, что скажете? – обратились они ко мне.

– Не знаю, мне трудно судить... Но, думаю, грубое обращение мало кому понравится, – ответила я первое, что пришло в голову. Но почему-то успела почувствовать, что не мне судить этого человека, ведь я даже с ним незнакома.

– Вы правы, грубиян, он и есть грубиян, такие людей отталкивают сразу, – Лена никак не хотела прекращать обсуждение такого яркого, судя по всему, постояльца.

– Вот он идет, – вдруг заметила Варя, и разговор резко прекратился.

В столовую вошел молодой мужчина, лет двадцати пяти, довольно суровой наружности. Скорее впечатление суровости производил хмурый взгляд и то, куда этот взгляд был направлен. В никуда. Трудно было даже определить цвет его глаз: то ли серые, то ли темно-зеленые. Общую картину отшельника дополняла как минимум трехдневная щетина, но темные волосы были пострижены коротко. Видимо, со-

всем недавно был в парикмахерской.

— А все-таки он привлекательный, — вздохнула моя соседка Галина.

— Молодой только, да и замкнутый чересчур. Представляю, каким он может быть в гневе, — не стала спорить с ней Варя.

Лена на этот раз промолчала.

Маленький парк около органного зала пустовал, хотя концерт должен вот-вот начаться. У меня не было лишних денег на билет, но очень нравился уголок вокруг этого небольшого домика, в котором раз в неделю по выходным играли на органе. Я решила немного посидеть на лавочке, полюбоваться тем, как ноябрьские снежинки кружатся в свете фонарей, а потом пойти домой, тем более там меня, наверно, уже ждался Мефистофель. Уже не в первый раз я приходила к мысли, что пусть жизнь в одиночестве мне и была сейчас необходима, но осознание того, что есть на свете существо, которое меня ждет и которому я нужна, впрочем, как и он мне, грело душу.

— У меня есть свободный билет на концерт.

Я и не заметила, поглощенная своими мыслями, как рядом со мной сел какой-то человек.

Нет, никаких знакомств я не хотела и потому отрицательно покачала головой. В незнакомце я узнала того самого мужчину, о котором уже целую неделю судачил весь женский

персонал санатория.

– Вам он ничего не будет стоить. Просто посидите рядом.

– Нет, спасибо, – я попыталась отказаться во второй раз.

В следующее мгновение он положил на скамейку два билета и пошел в сторону, противоположную от входа в орган-ный зал. А я осторожно взяла один билет и все-таки решила послушать орган, тем более что концерт начинался через три минуты. Второй билет остался лежать на лавочке, через несколько минут он станет совсем мокрым, а может улетит куда-то, но мне было все равно.

Внутри зала был полумрак, всего несколько человек сидели на небольших деревянных лавочках, предвкушая органную музыку, а может, и не предвкушая. Может, просто не знали, как убить время в этом маленьком курортном городке. Я же точно собиралась наслаждаться концертом. В прошлой жизни я посещала совсем другие мероприятия и уже успела отвыкнуть от настоящей музыки. Закрыв глаза вместе с первыми звуками органа, я унеслась куда-то далеко, в ту страну, где не было предательства, зато были безопасность и предсказуемость. Несмотря на то, что музыка звучала отнюдь не спокойная и безмятежная, мир звуков все равно ощущался как более надежный, чем реальный.

Когда музыка закончилась, я открыла глаза и увидела рядом с собой мужчину, чей билет взяла со скамейки. Значит, он не ушел, а вернулся и взял второй билет или купил новый. Он следил за мной? А если бы я не пошла, то он то-

же не стал бы слушать Баха? Я принялась думать о том, как я сглупила, и идея в последний момент все-таки воспользоваться билетом, была не самой удачной. Почему я не услышала, как он сел рядом?

– Очень хотелось послушать музыку, – словно оправдывался он, хотя в этом не было никакой нужды.

Не зная, что ответить, я едва заметно кивнула и вновь окунулась в мир музыки. Решив не дожидаться окончания концерта, я дослушала ещё одну фугу Баха, а после торопливо вышла из зала и направилась домой. Мне определенно не следовало позволять себе так много в этот вечер.

Через два дня тот мужчина заглянул в мою книжную лавку. Неужели он меня преследует? Я надеялась, что это не так. Надо было тогда отказаться и не брать билет, возможно, сейчас я бы не чувствовала себя так неловко. Однако, похоже, он меня не узнал. Странно все это. Может, он действительно не в себе.

– У вас есть «Жизнь взаимы» Ремарка? – спросил он, даже не обратив внимания на Мефистофеля, который терся о его ноги, привлекая внимание, что было для моего кота большой редкостью.

– Сейчас посмотрю. Что-то Ремарка было, но не уверена насчет этого произведения.

– Да, мне непременно нужна именно эта книга.

Я пошла вглубь магазина, где у меня стоял стеллаж с ав-

торами на букву «Р», мужчина остался возле кассы. Кот тоже не думал идти за мной. Книгу я нашла почти сразу. Оказывается, у меня было только две книги Ремарка. «Триумфальная арка» и «Жизнь взаимы». В наши дни Ремарк уже не пользуется такой популярностью, как раньше. Помню сама его открыла, когда училась в университете. «Жизнь взаимы» была одной из моих любимых.

– Нашла, – радостно сказала я, однако мой посетитель, казалось, вовсе не обрадовался, скорее он стал еще угрюмее, чем был несколько минут назад.

– Вы будете брать напрокат или покупать? – спросила я, надеясь, что все-таки брать напрокат. И не потому, что мне снова хотелось встретиться с этим человеком, просто внезапно мне самой захотелось перечитать книгу.

– Я куплю ее.

– У меня здесь не очень большой выбор, но есть весьма редкие экземпляры. Если хотите почитать более популярные книги, то загляните в библиотеку санатория. Я там работаю, – добавила я и смутилась, насколько это прозвучало двусмысленно.

– Я не большой любитель чтения, – коротко ответил он, заплатив за книгу и, не попрощавшись, покинул мой магазин.

Меня это задело бы. В прошлой жизни. Сейчас манера общаться этого человека была для меня более подходящей и нравилась больше, чем самое любезное обращение., Мы

с ним на одной волне. Он своим поведением показывал то, что я скрывала. Неужели у него похожая история или он по жизни такой? В любом случае это не мое дело, я не планировала думать о нем больше, чем пока он был в поле моего зрения, тем более он не местный житель, рано или поздно уедет отсюда домой.

В тот день я явно не рассчитала свои силы, набрав уйму продуктов в местном супермаркете, расположенном практически на выезде из города. Мокрый снег на глазах превращался в дождь, автобуса, как назло, не было, и я решила пойти пешком, сократив путь, но явно переоценила свои возможности по преодолению местной возвышенности, на которой пешеходная дорожка резко поднималась в гору. В итоге не только быстро намокла, но и вынуждена была останавливаться практически через каждые пять метров, чтобы менять пакеты в руках, хотя толку от этого явно немного. Единственное, что меня утешало – я купила очень большой запас наполнителя для кошачьего туалета и в ближайшее время проблема, чем наполнить лоток Мефистофеля, не будет меня заботить.

– Разрешите вам помочь. Я возьму пакеты, а вы сможете открыть зонт.

Около меня остановился мой недавний покупатель книги «Жизнь взаимы». Он был в темно-синем пуховике, капюшон натянут на голову так, что видны только глаза, но я его сразу

узнала. Странные смешанные чувства вызывал у меня этот человек. Нет, точно он преследует меня! Но не могла же я его обвинить в этом вслух.

– У меня нет зонта, – ответила я, однако пакеты ему отдала. На мгновение почувствовала теплоту его рук, вероятно потому, что мои были уже ледяными. Вечно я забывала дома перчатки. Он, как и я, был без перчаток, но, видимо, держал руки в карманах.

– У меня тоже нет зонта.

– Знаете, в большинстве случаев при сильном ветре, который здесь совсем не редкость, зонт также бесполезен, как и шуба здешней зимой.

Он ничего не ответил. Всю оставшуюся дорогу до моего дома мы шли в молчании. Немного медленнее, чем я привыкла, но я ведь была без сумок, а мой спутник тащил за меня тяжелые пакеты. Честно говоря, наше молчание меня устраивало. Перед калиткой я уже хотела с ним попрощаться, но неожиданно для себя самой пригласила зайти и выпить горячего чаю.

– На днях нашла здесь потрясающий магазинчик, там столько сортов чая, я купила какой-то со сказочным сочетанием специй и каких-то экзотических фруктов. У него такой запах! – начала зачем-то тараторить я и замолчала, подумав, что начинаю превращаться в свою соседку Евгению Васильевну. Неужели настолько соскучилась по обычному человеческому общению? Иначе почему так отчаянно зазываю

к себе в дом этого бирюка из санатория?

К моему удивлению, он согласился. Однако от волшебного чая отказался, сказав, что предпочитает обычный, крепко заваренный черный.

Мы сидели в моей маленькой кухне, пили каждый свой чай и не знали, что сказать друг другу. Впрочем, похоже, мой гость вовсе не испытывал неловкости от затянувшегося молчания. Я тоже не особо переживала по этому поводу. Молчание меня вполне устраивало.

– Наверное, я пойду, – нарушил он первым тишину между нами, поднимаясь из-за стола. – Спасибо за горячий чай.

– Хотите, я дам вам зонт с собой? До санатория путь не близкий, успеете еще раз промокнуть.

– Не стоит.

Понимаю, он просто не хотел больше со мной встречаться. Впрочем, учитывая размеры городка и тот факт, что я работала в там, где он жил, этого было практически не избежать. Правда, при отсутствии обязательств мы оба могли сделать вид, что незнакомы.

– Меня Кирилл зовут, – сказал он, когда я почти уже закрыла за ним дверь, а затем, остановив взгляд на моем свитере из чёрной мериносовой шерсти, спросил: – Черный цвет ваш любимый?

– Сейчас да. Помогает быть незаметной, – зачем-то добавила я, забыв при этом назвать свое имя. Интересно, он знает, как меня зовут, или ему все равно?

Да, у меня в гардеробе было две пары темно-синих джинсов, два черных свитера и черный пуховик. Я даже себе не признавалась, что черный цвет в моей одежде преобладает. Сам же Кирилл всегда ходил в одной и той же красной клетчатой рубашке. У него их несколько, или носит все время одну? Почему меня это заботит? Вряд ли потому, что его гардероб, как и его нрав, стал предметом обсуждения моих коллег. Не удивлюсь, если они и мою одежду обсуждают.

И только когда мой гость ушел, я вспомнила, что говорили тогда женщины про него в столовой – он должен был ходить с тростью, но почему-то этого не делал. А я его сумками своими нагрозила. Вот почему он шел так медленно. Подбежав к окну, я увидела, как Кирилл идет по нашей короткой улочке, немного хромая. Что же с ним произошло? Похоже он не доверял не только людям, но и самой жизни. Не знаю, как я это почувствовала. А еще наконец разглядела цвет его глаз. Они были карие.

Глава 4

В декабре ветер разыгрался ни на шутку, который сносил все на своем пути. Я еле-еле доплеталась до работы, а обратно он гнал меня уже в спину. Возможен был и обратный сценарий. Но как-то первый вариант преобладал, словно ветер чувствовал мое настроение и дул в унисон.

Тем вечером, сама не знаю, что на меня нашло, я решила сходить к морю. Честно говоря, за пару месяцев, что я здесь жила, у меня редко возникало настроение смотреть на эту бесконечную, чаще всего серую, воду. Солнце пока в городке было не таким частым гостем, как хотелось. Наверно, в моменты прогулок я как никогда остро чувствовала свое одиночество. Особенно, если встречала парочек, держащихся за руки или обнимающих друг друга. А ведь сначала идея прогулок по променаду меня очень вдохновляла, но помню, что после второй такой вылазки у меня неожиданно настолько резко испортилось настроение, и накатило что-то похожее на депрессию, что море я стала избегать, хотя и чувствовала его присутствие рядом постоянно.

Спуск к морю располагался совсем недалеко от моего дома. Надо было только пройти мимо одного фешенебельного отеля, а потом спуститься по крутой деревянной лестнице. По дороге мне не встретилось ни одного человека. Конечно, в такой шторм все сидят дома и пьют горячий чай. «Вот спу-

щусь вниз, глотну морского воздуха и бегом домой, – думала я, дрожа от холода, ветер буквально пробирал до костей. – И чтобы дома на коленях сидел мой Мефистофель, мурлыкал свою песенку, а у меня в руках книжка, и ветер завывал за окном, а не прямо над ухом».

Начинало темнеть. Даже стало как-то не по себе. Я быстро миновала почти две трети пути, а на последних ступеньках меня накрыла волна. Кажется, я упала. Дальше не помню.

Я очнулась на лавочке, что была выше по лестнице. Меня прижимал к себе и что-то приговаривал, словно убаюкивая, какой-то мужчина. Я потеряла сознание? Кто этот человек? Открыв глаза, я попыталась разглядеть спасителя. Хотя, по звукам голоса уже догадалась. Кирилл. Я попыталась приподняться и спросить, что же произошло.

– Не стоило этого делать, – произнес он, как только увидел, что я пришла в себя.

– Честно говоря, я не знала, что волны сегодня такой высоты.

– Или знали? – он пристально смотрел на меня.

Я попыталась сесть и мне это удалось.

– Что вы имеете ввиду?

– Я тоже когда-то не хотел больше жить.

– Что?! – я была в большом изумлении. Он, что же, думал, что я хочу покончить жизнь самоубийством?

– Вы ошиблись, – попыталась я сказать как можно более спокойнее, хотя внутри все клокотало от возмущения. – Зна-

ете, именно сейчас я чувствую себя как никогда более живой, чем за все последние месяцы.

Он кивнул головой.

– Да, мне это знакомо. После столкновения со смертью отчаянно хочется жить. Но потом уже другое отчаяние начинает накатывать с новой силой.

– Почему вы решили, что мне незачем жить?

– Ничего не знаю наверняка, просто почувствовал. Мне показалось, что мы очень похожи.

– А что вы здесь делали? – я подозрительно посмотрела на него. – Следили за мной?

Кирилл усмехнулся.

– Зачем мне такая же калека, как я? Мне кажется, вдвоем нам будет еще тяжелее, чем по одиночке. Мы друг друга просто не вытянем. Утонем оба. В прямом и переносном смысле.

Мне резануло слово «калека», тем более я не считала себя такой же, как он. Хотя... Я ведь почти не знала его историю.

– Здесь я бываю почти каждый день. Меня притягивает море, – продолжил он, не дождавшись моего ответа. Впрочем, он не оставил мне даже маленькой паузы, чтобы вставить хотя бы слово. – Почему здесь? Предвижу ваш вопрос. Здесь закрыт спуск. Лестница находится в аварийном состоянии. Не заметили? – спросил он, поймав мой удивленный взгляд. – Поэтому никого нет. Мне чем меньше народу, тем лучше. В присутствии других я задыхаюсь. Вы – единствен-

ный человек в этой жизни, в присутствии которого я чувствую себя более-менее способным дышать.

Подозреваю, что он уже давно так много не говорил.

– И вы здесь...?

Я никак не могла заставить себя произнести слова о самоубийстве. Но он понял меня и без слов.

– Нет, здесь я уже не пытался.

– Пытались раньше?

И кто меня за язык тянул?

– Оставьте. На этот вопрос я не ответил даже психотерапевту.

– Становится очень холодно. Все-таки такой ледяной душой я принимала впервые в жизни. Надо идти домой, – сказала я, вставая со скамейки. – Вы тоже весь мокрый, так можно и воспаление легких схватить. Зайдете обсохнуть и попить горячего чаю.

Я даже не спрашивала его, а просто говорила как о непростительном факте.

– Похоже, это становится доброй традицией, – усмехнулась Кирилл, впрочем, особой радости и веселья в его ответе я не заметила. И не поняла, согласен он или нет. Все-таки скорее да, чем нет. Иначе зачем тогда упоминал о традиции?

– Расскажите свою историю? – спросила я, когда мы снова сидели на моей кухне. Мефистофель, как я и мечтала, устроился у меня на коленях, в руках у меня была чашка горячего чаю.

– Не думаю, что это будет увлекательно. Может, лучше вы?

Я замолчала и долго не решалась нарушить возникшую тишину. Вот так взять и рассказать ему все? Но, может, это для меня шанс выговориться? Я ни с кем не делилась своей историей, а он скоро уедет отсюда. Я набрала воздуха и начала свой рассказ.

– В один прекрасный майский день, когда вокруг были разбросаны ковры желтых одуванчиков и зацвела сирень, родилась одна маленькая девочка, которую ждала только одна мама, – начала я. – Ее папа никогда не жил с ними, и долгое время она считала его утонувшим, пока он на самом деле не умер. Девочка росла в любви, маминого обожания и бабушкиной ласки было ей вполне достаточно. До определенного возраста она считала себя центром Вселенной. Уже потом, позже, ей пришлось пережить крушение своего мира, но большая часть детства была вполне счастливой. Росла она любознательным и любопытным ребенком. Любила читать, играть с подружками и сочинять истории. Она мечтала стать писателем, когда вырастет, а еще мечтала научиться кататься на коньках. У всех ее подружек были коньки, а у девочки не было. В то время их было практически не достать. Как-то сердобольный сосед принес ей какие-то страшные мужские коньки, на пару размеров больше, чем нужно. Девочка попыталась их надеть, вышла из дома, кое-как дошла до первого дерева, шкандыбая в неудобных ботинках, проплакала,

обняв то ли липу, то ли ясень, а потом сняла коньки и босиком вернулась домой, уже больше никогда не пробуя встать на них.

Впервые она влюбилась в четырнадцать. Это был мальчик двумя классами старше. Они почти не разговаривали и никогда не оставались наедине. Но он жил в ее душе несколько лет, пока она не закончила школу и не поступила в университет на филологический. В отличие от желания научиться кататься на коньках, от мечты стать писателем она отказалась не так быстро.

Второй раз она влюбилась в своего будущего мужа. Все было очень банально, они пошли с подружкой на дискотеку. У подружки был день рождения, а у нашей героини появился первый настоящий кавалер. Он приехал в гости в их город к своей бабушке, друг детства затащил его в местный клуб. Подружка сначала обижалась, что завидный жених достался не ей, но потом успокоилась, когда спустя пару месяцев ее личная жизнь также вполне благополучно устроилась.

Они поженились, когда она училась на последнем курсе. Юноша был из состоятельной московской семьи, на несколько лет старше ее. Она ездила к нему на каникулы, а после свадьбы переехала к нему в столицу. Он оказался очень предприимчивым и вскоре стал зарабатывать деньги, которые его родителям и не снились. Она после декрета не вышла на работу в свою школу, а стала сидеть дома и заниматься дочкой. В принципе такая жизнь ее вполне устраивала. Она имела

все, что только могла пожелать. Заботилась о муже и ребенке, они много путешествовали, посещали театры и рестораны. Скучать ей было некогда. Она думала, что счастливее ее на свете никого нет. Муж был любящим и заботливым, дочка радовала, училась хорошо и никаких хлопот не причиняла, даже в подростковом возрасте. Школу закончила с золотой медалью, уехала учиться за границу.

Тут я замолчала. Хотя вся моя последующая жизнь могла уместиться всего в несколько строчек, озвучить их было очень тяжело. Вместо продолжения истории я встала и поставила чайник, он уже совсем остыл. Мне хотелось выпить горячего. Как жаль, что я совсем не пью алкоголя.

Кирилл не торопил меня. Он смотрел в окно, и даже складывалось такое ощущение, словно он совсем меня не слушал, а был где-то далеко.

– Все рухнуло в июле. Дочка уехала в Англию, чтобы успеть пройти там дополнительные курсы языка, мы поехали вместе с ней, а муж сразу после нашего приезда от дочки, признался мне, что у него давно другая семья, в которой подрастают два сына. Он очень хотел обеспечить счастливое детство своей любимой Верочке, а теперь, когда она уже жила не с нами, больше не считал нужным притворяться и изображать счастливых супругов. Пожелал мне поскорее выйти замуж, а сам ушел. Через месяц мы развелись.

Кирилл вдруг неожиданно посмотрел на меня и рассмеялся. Да что с ним такое? Он вообще нормальный человек?

– И это все? – со странным смехом спросил он.

Не знаю, слышалось мне или нет, но мне показалось, что в его смехе была злость.

– Что – все? – в свою очередь непонимающе спросила я.

– От вас всего лишь ушел муж?

Мне хотелось закричать, ударить его и выгнать вон! Он, видимо, совсем не соображал, что говорил. Я открыла перед ним душу. А он оказался таким черствым циником.

– Наверное, вам уже пора в санаторий, – это единственное, что я могла сказать в ответ на его вопрос.

– Извините, ошибся, – сказал он, когда я в молчании смотрела, как он одевается. – Мы, действительно, с вами совсем не похожи. И наши жизни тоже.

Как только он ушел, я наконец дала волю слезам и плакала, должно быть, часа два. Плакала не только по тому, какая я несчастная и меня никто не любит, а еще и потому, что в очередной раз убедилась – верить и доверять никому нельзя. Я захотела уволиться из санатория и никогда больше не видеть этого отморозенного Кирилла. Перед кем я открыла душу? Перед каким-то бесчувственным чурбаном!

Ночью я поняла, что у меня поднялась температура, и я заболела после неожиданного зимнего купания. Как назло, таблеток дома не было. Утром, когда еще даже не рассвело, я позвонила своей соседке и попросила принести что-нибудь жаропонижающее, сама я не могла встать даже с постели, еле доползла до туалета.

Евгения Васильевна прибежала через пятнадцать минут. Принесла не только парацетамол, но и мед с молоком. У меня едва хватило сил открыть ей дверь, рассказать, что со мной случилось, исключая упоминание про Кирилла, выслушать ее причитания и даже попросить оставить меня по причине того, что очень хотелось спать.

– Дорогая Лизавета, не переживай, таблетка скоро подействует, – в привычной манере протараторила соседка, уже стоя в дверях. – Я сейчас приготовлю куриного бульону, только вчера купила свежую курочку, а в обед принесу тебе подкрепиться.

– Спасибо, Евгения Васильевна, я причиняю вам столько хлопот.

– Дело соседское, заболеть каждый может. На то мы и соседи, чтобы выручать друг друга. Давай я возьму запасной ключ, тебе вредно лишний раз вверх и вниз бегать, отдыхай лучше. На магазин повешу табличку, что сегодня он не откроется.

Видимо, она поняла, насколько мне плохо, что не стала долго задерживаться и расспрашивать о том, как меня угораздило оказаться поздно вечером на закрытом спуске к морю.

Вскоре я снова задремала, и мне приснился странный сон, будто я стою на залитой светом площадке изо льда. На моих ногах – коньки серебристого цвета. Я пытаюсь сдвинуться с места, но у меня ничего не получается. Через какое-то вре-

меня понимаю, что лезвия коньков застыли во льду, и я не могу ни на сантиметр сдвинуть их. Пытаюсь снять ботинки с ног, но и эта попытка оказывается тщетной. Я начинаю кричать, паника охватывает меня, на площадке гаснет свет, слышится чей-то страшный смех, и я просыпаюсь.

Проснувшись, я услышала, что внизу кто-то есть. Евгения Васильевна, наверно, принесла обещанный бульон. Посмотрела на часы. Уже почти вечер. Попыталась встать, но от слабости у меня ничего не получилось. Я снова заснула. Теперь уже без снов. Проснулась, когда почувствовала, что кто-то протирает мое лицо чем-то влажным. Открыла глаза и увидела своего вчерашнего гостя. Но у меня не было сил даже на эмоции. Я только подумала о том, что должна бы испытывать раздражение и злость, но их не было.

– Где Евгения Васильевна? – спросила я шепотом, горло саднило, слова давались с невероятным трудом.

– Она давно ушла, – ответил Кирилл. – Вы знаете, уже довольно поздно, почти полночь.

– Почему вы здесь? – задала я очередной вопрос, хотя сейчас мне это было почти безразлично.

– Прошлым вечером я повел себя достаточно бестактно. Я много думал о том, что вы вчера мне сказали. Было совершенно неправильно злиться на то, что вы не оправдали моих ожиданий, и, возможно, переживаете по пустякам. Это ваша жизнь, я не должен вас судить, не имею на это права. Примерно это я хотел сказать вам сегодня, когда пришел в биб-

лиотеку санатория, но там мне сказали, что вы заболели. Нет, я не думаю, будто бы вы заболели из-за меня, я не считаю себя всесильным Богом, который может влиять на все. Но в какой-то степени я чувствую себя ответственным за вас после того, как поучаствовал в вашем почти спасении.

– Почему вы остались?

– Почему-то самонадеянно подумал, что мое общество будет вам приятнее, чем общество вашей говорливой соседки, – пожал плечами Кирилл. – Насколько я вас уже сумел узнать, вы, как и я, предпочитаете молчание разговорам. Я точно еле-еле продержался с ней целый час. Она никак не хотела уходить! Пришлось сказать, что я планирую остаться с вами на ночь, только тогда она поняла и согласилась пойти домой. Однако на прощание заверила меня, что непременно заглянет к вам завтра утром.

Да... События развиваются стремительно. Евгения Васильевна точно получила пищу не только для размышлений, но и для разговоров. Спокойствие в ближайшие дни мне точно не грозит, особенно если я так и не смогу встать, а Кирилл уйдет в свой санаторий. Впрочем, общества Кирилла я тоже сейчас жаждала меньше всего.

– Вам надо немного поесть и померить температуру, похоже, она у вас снова поднимается.

– Я хочу, чтобы вы ушли, – мне хотелось, чтобы в моем голосе звучала твердость, но получилось нечто вроде жалобного мяуканья. Мефистофель и то бы сказал более требова-

тельно, чем я.

– Чего вы боитесь? Разговоров или того, что я могу с вами сделать? – Кирилл с усмешкой взглянул на меня.

– Почему вы решили, что я боюсь? Мне просто неприятно ваше общество.

– Думаете меня этим обидеть?

– Я сейчас вообще ни о чем не думаю, просто хочу остаться одна в своем доме.

– В доме, которым от вас откупился ваш муж?

– По-моему, это совершенно не ваше дело.

– Конечно, не мое. Я не привык жить по двойным стандартам.

Мне захотелось запустить в него чем-то тяжелым, но под рукой ничего не было, а встать с постели я сейчас была не в состоянии.

– Идите вон отсюда.

– Непременно. Я уже понял, что, вернувшись сюда, лишь сделал очередную ошибку, – карие глаза словно пытались прожечь меня насквозь.

– Если бы знали, как вы мне противны. Я не смогла бы заснуть, если бы вам этого не сказала, – добавила я, снова не сдержавшись.

– Я переночую в соседней комнате, а завтра утром уйду. Если что, зовите, – добавил он, уходя.

Я молча отвернулась к стенке.

– Не бойтесь, женщины в вашем состоянии меня совсем

не интересуют.

И спустя некоторую паузу, добавил:

– Они вообще меня не интересуют.

«Идиот ненормальный», – только и сумела подумать я. Быстрее бы наступило утро, и он убрался из моего дома и моей жизни.

Честно говоря, спалось мне ночью совсем плохо. Я выпалась за день, и сон не шел ко мне. Температура вроде бы была небольшая. Я лежала и просто смотрела в мансардное окошко над моей головой, как по нему скатывались то ли капли дождя, то ли снежинки мокрого снега. Из соседней комнаты не доносилось ни звука. Надеюсь, мой, незванный на этот раз, гость, спит. Быстрее бы наступил завтрашний день, и пришла Евгения Васильевна.

Где-то под утро я задремала. Меня разбудил какой-то шорох. Похоже, Кирилл зашел в мою комнату, но я сделала вид, что сплю. Он подошел ко мне, потрогал лоб, поправил одеяло, а потом подошел к двери и долго стоял там. Странно, страха у меня не было, я не боялась, было только желание, чтобы он скорее ушел. Через какое-то время, не знаю, честно говоря, сколько точно времени прошло, он начал что-то бормотать. Говорил он так тихо, что я с трудом разбирала слова. Мой слух был напряжен до предела. Мне казалось, я слышала, как бьется его сердце. Его слова одновременно взволновали и напугали меня.

– Ты так напоминаешь ее. Сначала я даже не поверил.

Нет, не своим глазам, а своим ощущениям. Ты — блондинка с короткими волосами, а она была шатенкой с длинными. Но в твоём присутствии у меня возникают те же ощущения. Ты даже злишься так же, как она. Ты любишь орган и читаешь книжки Ремарка, как она. У тебя похожие интонации голоса и такой же взгляд. Ты даже родилась в мае, как она. Нет, ты не думай, я совсем не сумасшедший, я понимаю, что вы с ней два разных человека. Но как же часто, когда ты рядом со мной, я чувствую, будто ее душа где-то здесь, я даже порой фантазирую, что через тебя у меня есть связь с ней. Меня тянет к тебе против моей воли. Я думал уехать уже завтра, время моего пребывания здесь заканчивается, но сейчас уже не знаю. Нет, я ничего не жду от наших отношений, у нас их практически нет. Это для меня ты стала новым ее воплощением, а для тебя я совершенно чужой и посторонний.

Мы познакомились с ней, когда я приехал на сборы в Сочи. Я тренировался в горах, а она жила внизу около моря. Я шел по набережной, когда увидел ее на велосипеде в красном платье, которое красиво развевалось под порывами ветра. Сначала я увидел это красное пышное платье и ее стройные ноги. И только потом разглядел ее длинные вьющиеся каштановые волосы, которые она все время поправляла одной рукой, потому что они путались, и карие глаза. Она ехала мне навстречу. Был солнечный день, и жизнь казалась прекрасной. До этого я никогда не знакомился просто так, на улице. А тогда просто побежал за ее велосипедом, что-то

крича, когда она проехала мимо, но потом со смехом оставилась, соскочила с велосипеда, и мы пошли рядом, хотя мне было совсем в другую сторону. Банально, но было ощущение, словно мы знакомы тысячу лет. Ее звали Вера. Она дала мне поверить, что счастье возможно, что вообще возможно все в этом мире. После знакомства с ней я стал покорять новые вершины, мы стали планировать нашу совместную семейную жизнь, уже назначили дату свадьбы.

Многие хотят забыть день страшной трагедии, но не я. Я хочу помнить, что еще утром 26 августа, три года, назад мы были вместе, мы смеялись и шутили, мы занимались утром любовью, у нас было замечательное настроение. В тот день мы поехали к морю. Шел дождь, нам так хотелось искупаться под дождем. После я ничего не помню. Я очнулся в больнице, Веры рядом не было. Как я потом узнал, она умерла мгновенно, а я пришел в сознание через несколько дней, когда ее уже похоронили. Вскрытие показало, что она была на втором месяце беременности. Так у меня не стало Веры. Ах, да, еще совсем маленькая мелочь, я остался калекой. Я попрощался и со своим скалолазанием. И это в двадцать пять лет. У меня не осталось ничего. А ты говоришь, что тебя бросил муж. Я бы многое отдал, чтобы она меня бросила, но осталась жива. Жизнь бы отдал, не раздумывая.

Он, кажется, плакал. Тяжело было все это слушать. Меньше всего мне сейчас нужны были чужие страдания, я упивалась своими. И на самом деле мне ни капли не казалось, что

моя боль меньше. Знаю, чудовищно было так думать, но его Вера умерла, по-настоящему не покинув его. Пусть не физически, она все равно с ним рядом, он должен чувствовать ее любовь даже после ее смерти. А меня предали, меня обманули, меня больше не любят. Я перестала верить в любовь, а это самое страшное. Чего он хочет от меня, этот странный Кирилл? Он до сих пор не пережил свое горе и пытается справиться с ним с моей помощью, а может, хочет свести меня с ума? И откуда он знает, что я люблю Ремарка, если я никогда ему об этом не говорила? Правда, он мог видеть пару книг в доме. Я заказала почти все книги немецкого писателя для своего магазина и взяла перечитать самые любимые.

К счастью, он скоро вышел из моей комнаты и мне показалось, что я даже услышала, как хлопнула входная дверь. Для верности я полежала еще какое-то время, а потом спустилась вниз, хотя была по-прежнему слаба. Его верхней одежды и обуви нигде не было. Надеюсь, этот странный мужчина ушел окончательно, а не просто вышел за утренней выпечкой к завтраку. Есть мне совсем не хотелось, тем более в его обществе. Я закрыла дверь на ключ, твердо решив впредь не пускать его за порог своего дома. К счастью, в тот день Кирилл так и не пришел. А через несколько дней, вернувшись в библиотеку санатория, я узнала, что он уехал из нашего городка. По крайней мере, в санатории он больше не жил. Мне показалось, что я выдохнула с облегчением.

Глава 5

Впервые я увидела эту девочку, когда на улице шел дождь. Привычное явление в декабре для бывшей Восточной Пруссии. Капли так монотонно и одновременно сильно стучали по стеклу, что я даже не заметила, как кто-то вошел внутрь. Лишь Мефистофель вдруг соскочил с колен и прыгнул на стеллаж. Вскоре я услышала тонкий девчачий голосок.

– Кошка, не надо на меня прыгать. Я этого не люблю.

Я поспешила встать и прийти на помощь, только кому: моему коту или незнакомке? Это был вопрос.

Девочка была в желтом стареньком пальто, из-под шерстяной шапки непонятного цвета выбивались спутанные рыжие волосы. Довольно сложно было определить ее возраст, где-то от восьми до одиннадцати. Она была среднего роста и очень худая.

– Уберите свою кошку, – сказала девочка немного испуганно, однако было видно, что пыталась держаться храбро и не показать своего испуга.

– Это кот. Он ничего тебе не сделает, Мефистофель вполне безобиден, – поспешила я ее успокоить.

Словно в опровержение моих слов, кот начал шипеть со своей высоты.

Девочка вопросительно посмотрела на меня.

– Странно, первый раз слышу, как он шипит.

– Не слышали, что кошки видят гораздо больше людей? – девочка задала неожиданный вопрос.

– Ты думаешь, он что-то увидел? – полюбопытствовала я.

– Или кого-то.

– Но тут кроме нас никого нет.

Девочка промолчала. Она явно хотела что-то сказать, но не решалась.

– Мефистофель, пошли, – позвала я кота, но тот уже уютно устроился на верхней полке стеллажа и свернулся калачиком.

– Не бойся, он тебя не тронет.

– Вообще-то кошки меня раньше любили, – задумчиво ответила девочка.

Громкая трель телефонного звонка заставила меня прервать наш разговор. Когда я вернулась, девочки уже не было. Она ушла так же тихо, как и зашла. До окончания рабочего дня меня не покидало странное ощущение, словно что-то было не так. Легкое беспокойство и тревога. Неужели это связано с той девочкой? И, только засыпая, вдруг поняла. В моем магазине не было детских книг, дети сюда никогда не заходили. Что же она делала в моем магазине? Может, ей нужна была помощь, а она побоялась попросить?

На какое-то время я забыла о маленькой посетительнице. Библиотека, потом магазин выжимали из меня все силы. Я

еле доползала до кровати и почти ничего больше не делала. Давно я не работала полный рабочий день, так меня надолго не хватит. Но это проклятое завещание! Неужели нельзя было просто оставить наследство, без всяких условий? Ладно бы еще магазин давал прибыль, а он скоро будет убыточным, тогда что, платить налоги из своей зарплаты библиотекаря? Обычные мысли. Надо продержаться еще чуть больше девяти месяцев. Сумею ли? Иногда я так думала, когда сильно уставала, но все же, по большей части, испытывала благодарность к отцу, который оставил мне все это. Из-за своей занятости я могла часто не возвращаться к тому, что болело до сих пор.

В библиотеке тоже не все шло гладко. Посетителей было немного, и если сначала я читала, то потом начала уставать от постоянного чтения. Мне стало казаться, что убиваю время, потому что больше в библиотеке было делать абсолютно нечего, особенно после того, как я переставила все книги, протерла пыль, пересадила комнатные цветы и расставила формуляры в идеальной последовательности.

Я так и не вписалась в коллектив, все держались вполне благожелательно, но на очень большой дистанции. Но мне никто и не нужен был. Возможно, эту воображаемую дистанцию создавала я сама. Создавала везде, где появлялась. Даже с Евгенией Васильевной общалась по необходимости, хотя она постоянно звала меня к себе, предлагая познакомиться со своей дочкой, чтобы мне было не так одиноко. Дочка жи-

ла в областном центре, но каждые выходные они всей семьей приезжали в гости к моей соседке. Я пока не верила людям и не знала, станет ли когда-нибудь иначе. Другие мне были не нужны. Мне себя вполне хватало. Себя я точно не обману, не предам и не оставлю. Но все же одиночество иногда давило. Можно ли выжить в одиночку? Или именно в одиночку все и выживают?

Здесьняя погода и вовсе могла довести до депрессии кого угодно. Хотя я считала, что до депрессии мне уже далеко, но вот отчаяние временами накрывало, хорошо, что не задерживалось. Один Мефистофель был со мной. Как бы я жила без него?

Трель дверного колокольчика, когда девочка пришла в магазин во второй раз, я услышала отлично. Однако что-то меня остановило выйти ей навстречу и поприветствовать. Вместо этого я сделала вид, что ее не заметила, но как только она скрылась за книжными полками, я тихо встала и начала следить за ней. Делать это было несложно, потому что девочка кроме книг ничего вокруг не замечала, даже про кота словно забыла, потому что совсем не оглядывалась по сторонам. Правда, и Мефистофель в этот раз вел себя спокойно, продолжал спать за кассовым прилавком.

Что же она искала? Ее взгляд так и бегал по корешкам, она прикасалась пальцами к книгам, что-то шептала, а потом шла дальше. Доставала одну книгу, потом другую, открыва-

ла случайным образом, опять что-то шептала. Эта девочка была похожа на ненормальную.

– Что ты ищешь? Здесь нет детских книг, – громко произнесла я.

Девочка вздрогнула и повернулась ко мне. В ее взгляде было столько злости, что у меня перехватило дыхание.

Она промолчала и снова начала судорожно листать первые попавшиеся ей книги. Мне стало страшно.

– Как тебя зовут? – в этот раз я произнесла слова значительно мягче, даже ласково.

Она снова ничего не ответила.

– Что ты ищешь? Может, если бы ты сказала, я помогла бы тебе.

– Вряд ли, – наконец я услышала ее голос.

– И все же? – продолжила я. Надо было как-то установить с ней контакт, тем более если она не в себе.

– Я ищу себе будущее. Будущее на сегодняшний день. Но пока не нашла подходящего, – она с вызовом посмотрела на меня, и мне показалось, что это я начала сходить с ума, а не эта девочка, которая несла какой-то бред.

– Вы можете мне не мешать? Это очень важно, – она посмотрела на меня почти умоляюще, но я также заметила в ее взгляде вызов.

– Это что, игра такая? Вы придумали ее с подружками? – начала догадываться я.

– Если бы, – вздохнула она, словно старый, уставший

от жизни человек. – Нет, игрой здесь и не пахнет. Это просто моя реальность, но скоро... – она замолчала, словно спохватываясь, что и так сболтнула много лишнего. Однако прозвучало как-то театрально.

Она снова перестала меня замечать. Я вернулась к себе за кассу, очень надеясь, что это все-таки игра, девочка сейчас найдет то, что ей нужно и уйдет. Однако через минут двадцать она подошла к моему прилавку и пристально посмотрела на мои волосы.

– Они у вас свои? – задала она странный вопрос.

– Не поняла.

– Волосы свои такого цвета, вы их не красите?

– Нет, – ошеломленно ответила я.

– Можно потрогать? – спросила она.

Быстрее бы она уже ушла, эта странная девочка. Мне не нравилось, когда прикасаются к моим волосам, и пока я думала, как ей вежливо отказать, она больно дернула меня за выбившуюся из-за уха прядь и кротко, глядя на меня, произнесла:

– Простите, я не хотела.

Мне было больно, шокированная, я глядела на девочку. В ее руке оказалось несколько моих белокурых волос.

– Ты в своем уме?! – задала я глупый вопрос.

Она, беспрерывно извиняясь, попятилась к двери и буквально выскочила за порог. С моими волосами в руках. Ну за что мне все это? Никто меня не предупреждал, что побли-

зости магазина живут такие сумасшедшие! Что она выкинет в следующий раз? А у меня даже охраны не было. Я вообще одна.

На этот раз мысли о странной девочке не покидали меня несколько дней. Я даже забыла про то, что ко мне снова должен зайти Денис, бухгалтер моего папы, который тоже мне достался по наследству, как и кот. Я вздрагивала при каждом звуке дверного колокольчика и ждала ту странную девочку, а она все не приходила и не приходила. Вскоре я стала похожей на неврастеничку, готовую кричать от каждого шороха.

Посетителей у меня было немного. Всего пару человек в день, поэтому идея существования этого магазина показалась мне с самого начала сомнительной. Кому нужен книжный магазин, а уж особенно не в сезон? Тем более, когда большинство людей перешли на электронные книги и интернет? Магазин привлекали только сумасшедшие, вроде той маленькой посетительницы. Прошло четыре дня после ее визита. Я все еще ждала и боялась. Девочки не было. Зато пришел Денис.

– Вижу, Мефистофель вас принял за свою? – спросил он, когда я наливала нам чай.

– Вроде как. Он мне кажется достаточно простодушным. Скажите, а он часто шипит?

– Шипит? Почему вы спрашиваете? Мефистофель на вас шипел?

– Не на меня, на девочку, которая зашла в магазин.

– На девочку? – удивился Денис.

– Чему вы удивляетесь? Тому, что на девочку или на то, что вообще шипел?

– Вообще не слышал, чтобы этот кот шипел, но я бывал здесь не так часто, при мне он обычно всегда спал, – Денис почесал кота за ухом и вновь повернулся ко мне. – Девочка? Она приходила с кем-то из взрослых?

– В том-то и дело, что нет. Одна, совершенно одна. Она искала себе будущее.

– Что? – Денис посмотрел на меня с интересом и удивлением.

Я поняла, что совершенно бессмысленно сейчас говорить о той девочке, тем более человеку, с которым виделась третий раз в жизни.

– Детские игры. Вот хотела спросить, вы не знаете, часто сюда дети заходят?

– Не знаю. Но книги здесь только для взрослых, тем более в это время большинство посетителей возраста Александра Павловича, если только с внуками могут зайти.

– И ни про какую девочку лет десяти вы не слышали? – я не могла успокоиться.

– Нет. А что это была за девочка и в какую игру она играла?

– Сама не знаю.

После ухода Дениса я чувствовала себя не только испуган-

ной, но и дурой. Испуганная дура. Испугалась десятилетней девочки, пусть и сумасшедшей. Все, не буду больше думать про нее. Есть дела поважнее. Например, что придумать, чтобы поднять продажи в этом дурацком магазине. Пока сюда заходили только пара пенсионеров в день. И то больше поболтать. Книги никто не приносил, почти и не покупал. Хорошо хоть Денису платить не нужно, за кассой стояла я сама, убирала в магазине тоже. Но ведь оставались всякие отчисления, которые надо платить, даже если прибыли не было.

Странная девочка появилась в среду. У меня внутри все напряглось, когда я увидела, как она входит в магазин в своем грязном желтом пальто, которое, видимо, никогда не отдавали в химчистку. Чего мне сегодня ждать от нее? В этот раз она направилась напрямик ко мне.

– Меня зовут Эльза, – сказала она и протянула свою ручонку с обглоданными ногтями, на которой тем не менее были следы, судя по всему, дорогого лака.

Еще я заметила, что ее ботинки тоже как-то не сочетаются с замызганным пальто. Они явно были новые и дорогие.

– Елизавета Александровна.

Я слегка пожала ей руку и поспешила отпустить, пока она еще чего-нибудь не учудила. Странно, в этот раз она была настроена вроде благожелательно и выглядела вполне нормальным ребенком. Может, я все сильно преувеличила? Сижу тут одна в магазине и медленно схожу с ума.

– Я принесла свою кошку Фрею, – сказала девочка и полезла в рюкзак.

«Не показалось», – подумала я. Начинается.

К счастью, кошка оказалась ненастоящей. Тряпичной из цветных лоскутков. Было видно, что она самодельная, кое-где торчали нитки и виднелись грубые швы.

– Ты сама ее сделала?

– Почти. Хочу вам подарить.

– Что? Зачем? Не надо, – попыталась я отказаться от подарка.

– Это за прошлый раз.

– Ничего страшного, я на тебя не сержусь, – не хотела я брать эту кошку.

– Не бойтесь, она без блох, – сказала девочка и тихонько засмеялась, видимо, довольная своей шуткой.

Мне же было не до смеха. Ну почему эта девчонка так привязалась к моему магазину?

– Возьмите, не то я обижусь.

– Ладно, – согласилась я. Еще неизвестно, как она себя ведет, когда обижается. – Возьму, будет Мефистофелю игрушка.

– Нет, это вам, – девочка произнесла это с большим нажимом. – Потом дочке своей подарите.

– Вера уже большая, она не играет в такие игрушки, – ответила я и тут же насторожилась. – Что? Откуда ты знаешь, что у меня есть дочка?

– Я много чего знаю, но я не про эту дочку. Про другую.

– Какую другую? У меня нет другой дочки.

– Значит, будет. Молодая еще. Кстати, вы не дадите мне свою расческу? Волосы причесать надо.

– У меня нет здесь расчески, она в сумке, а сумка дома, – и зачем я указала в сторону второго этажа?

– Сходите, я пока здесь присмотрю за магазином.

– У тебя что нет своей расчески?

– Она тоже дома, а я живу дальше, чем вы.

Не знаю, чем я думала, когда поднималась наверх за своей расческой. Только не головой, это точно. Скорее животом, в котором разрастался уже совсем не маленький комок страха. Всеми фибрами своей души я хотела избавиться от этой Эльзы или как там ее. Она меня очень нервировала. Я не знала, чего от нее ждать. А еще я ее очень боялась. Поскорей бы она от меня отстала. Наивно думать, будто расческа в этом поможет. Да хоть десять расчесок ей подарю – лишь бы она больше никогда не приходила в мой магазин. «Пока мой», следовало бы добавить.

Хорошо хоть у меня хватило ума закрыть кассу, но все равно было тревожно оставлять девочку одну в магазине. От нее можно ждать чего угодно. А вдруг она подожжет магазин или что-нибудь сделает моему коту? Или порвет все книги? Нет, все просто не успеет. Украдет чего-нибудь? Но кроме книг, больше красть нечего. Много она не унесет. И все же я попыталась вернуться как можно быстрее.

Девочка стояла около Мефистофеля и чего-то ему говорила. На первый взгляд, во время моего отсутствия ничего страшного в магазине не произошло. Я протянула Эльзе расческу.

Она ей понравилась, я прочитала это в глазах девочки.

– Если хочешь, бери.

– Правда, можно? – обрадовалась Эльза. – Она очень красивая и очень мне нужна.

– Слушай, Эльза, а тебя дома не хватятся?

– Бабушка на кладбище, а так никого дома нет.

Я чуть не охнула от ужаса. Что она такое говорит?

– Ты живешь одна?

– Почему одна? С бабушкой.

– Так ты же сказала, что она на кладбище.

– Да, она часто туда ходит, к вечеру возвращается.

Я снова мысленно обозвала себя дурой. Опять мне что-то мерещится. Вполне нормально, что пожилые люди ходят на кладбище.

Какое-то время мы молчали. Эльза рассматривала расческу, пыталась ею причесать Мефистофеля, который в этот раз вел себя по отношению к девочке вполне благожелательно.

– Будущее сегодня смотреть не будешь? – нарушила я тишину, когда она стала уже совсем невыносимой.

– Мне это уже не нужно. Я надеюсь, – сказала Эльза, потом посмотрела на настенные часы и словно спохватилась. – Мне действительно пора.

Неужели мне на самом деле показалось, что зашла ко мне одна девочка, а вышла совсем другая? Не было в глазах какой-то безнадеги и отчаяния, даже вся фигурка будто выправилась, и Эльза стала выше ростом.

– Еще раз простите, – сказала она, когда аккуратно открыла дверь так, что колокольчик не зазвенел. Мне показалось или я поймала самодовольную улыбку девочки, когда она обернулась перед самым выходом?

В окно я увидела, как она пустилась бегом, словно за ней гнались все демоны мира. Только на улице никого не было.

Глава 6

Девочка убежала, а ее кошка осталась у меня. Я не знала, что с ней делать, только почему-то была уверена, что выбрасывать ее нельзя, хотя оставлять замызганную игрушку мне тоже не хотелось. В итоге приняла решение спрятать кошку в подвале. Когда я поднималась в дом, затолкав игрушку Эльзы в дальний ящик под стеллажами, то смутное чувство тревоги не покидало меня. Что-то такое было еще, что меня тревожило. Странно, с одной стороны, я не хотела, чтобы эта девочка возвращалась в мой магазин, я больше не хотела ее видеть и с ней разговаривать, но с другой стороны, как только я начинала думать о том, что больше никогда с ней не встречу, меня охватывал страх. Хотя нет, даже не страх, а предчувствие чего-то нехорошего. Да, чувство было кратковременным и не мучило меня, но оно было.

Прошла пара дней с момента последнего визита странной девочки в мой магазин. Я даже не успела успокоиться до конца, как один из посетителей обнаружил между книгами небольшую тетрадь, на обложке которой было написано «Дневник Эльзы».

Дневник Эльзы

«Завтра в школу. Так не хочется. Дома мне так хорошо с моей Фыркой. Только она понимает меня. В школе я снова буду чувствовать себя несчастной. 31 августа»

«Новый учебный год начался, а моя старая кличка Цыпочка осталась со мной. Я ненавижу ее! Все из-за моего дурацкого желтого пальто, которое купил мне папа. Большие никогда его не наденут! Папа ничего не понимает в одежде для девочек. Вот была бы жива мама, она бы купила мне самое распрекрасное пальто в мире. Но мама умерла. 1 сентября»

«Я такая несчастная и чувствую себя такой одинокой. Никому я не нужна. Раньше Лика дружила со мной, а сейчас нет, потому что я маленькая для нее, у нее свои подружки. Она живет у другой бабушки. В школе сейчас со мной редко разговаривают. И это очень хорошо. Потому что хуже, когда дразнят или начинают изводить.»

Меня дразнят из-за мамы, потому что я люблю ходить на кладбище и разговаривать там с ней. Меня считают ведьмой и чокнутой из-за этого. Но больше мне сейчас не с кем поговорить. А еще я просто уродка: рыжая с веснушками и тощая.

Хуже меня в классе только Валя Стригунова, но она часто болеет, и поэтому, когда ее нет, все шишки достаются мне. Мы с Валею не дружим, потому что мне кажется, что если я буду дружить с ней, то все начнут ко мне относиться еще хуже. Валя кушает свои козюли. Почему? Никто не знает. У нее в первого класса такая привычка. Понятно, что ее все дразнят. Но она хотя бы симпатичная.

*Есть еще Алиса Воробьева. Ее раньше тоже дразнили, из-за дырки между зубами. Но потом она подружилась с Викой, которая самая красивая у нас в классе, и от нее отстал. Вика сказала, что она любит песню из фильма «Такси» с Ванессой Паради, и больше никто не дразнит Алису. Алиса иногда разговаривает со мной, когда ей скучно. Я рассказываю ей о книгах, которые прочитала. Я чувствую, что она — неплохой человек, и я хотела бы с ней подружиться. Но тогда все будут считать ее такой же, как я. **4 сентября**»*

«Они все мне врут. Сумасшедшая бабушка тоже. Когда умерла мама, они все говорили, что она уехала, но я сразу знала, что она умерла. Куда она могла уехать такая лысая и худая? Ее не пустили бы ни в один поезд или самолет. А если бы и пустили, как бы она сначала смогла добраться до вокзала? Она ведь совсем не могла вставать с кровати. Но я все равно ее очень любила. Она мне так нужна. Пусть бы она жила, даже такая страшная и в кровати. Она была бы только моя. Почему ее все так быстро забы-

ли? Почему эта дурацкая бабушка, говорит, что маму Бог наказал? За что? Что она сделала плохого? Почему папа больше с нами не живет, а живет с этой противной тетей Мариной, а к нам приходит в гости? Только Фырка и я помним про маму. Я ей часто рассказываю про мамочку. Она меня слушает. **10 сентября»**

«Я не пойду завтра в школу. Мне так стыдно, что сил нет. Зоя Васильевна попросила меня на большой перемене подготовить доску к уроку. Я помыла тряпку в ведре, уже тогда мне показалось, что вода странно пахнет, но не стала менять ее. Я не сразу поняла, почему в классе все так дико хохочут. Я думала, что мне что-то на спину прицепили. Один раз так уже было, я целый урок просидела с табличкой „Ведьма“. Но в этот раз все было гораздо-гораздо хуже. Они все смеялись и смеялись. Артем Полозков даже стал кататься по полу от смеха. Потом кто-то из девченок крикнул, что у меня все руки в моче, потому что в ведре вместо воды оказалась моча. Я не знала, что мне делать. Я стояла у доски и не могла сдвинуться с места. Прозвенел звонок, пришла Зоя Васильевна и сказала садиться мне на свое место. Я спросила разрешения сходить в туалет, чтобы помыть руки, но учительница не разрешила. Я просидела весь урок с грязными, вонючими руками, мне было так плохо. Но я не заплакала. Плачу сейчас. Я ушла сразу после того ужасного урока. Я не вернусь в эту школу. Почему я

такая несчастная?! 15 сентября»

«Вот уже неделю я не хожу в школу. Вместо школы я сажусь на трамвай и еду в большой парк. Там меня никто не знает. Я бы ходила на кладбище к маме, как раньше. Но бабушка тоже стала туда ходить. Она сразу поймет, что я не была в школе. Зачем она туда ходит? Она же не любила маму. В парке тишина, я захожу в самую дальнюю часть, где часто вообще нет людей, сажусь за скамейкой на свой рюкзак и читаю книжки. Меня никто не замечает, даже если садятся на эту скамейку. Иногда я слышу любопытные разговоры. Но чаще люди сидят молча. Уже прохладно. Но в школе еще хуже. А дома я оставаться не могу, бабушка пожалуется папе, и он тогда вообще перестанет меня любить. 22 сентября»

«Сегодня со мной случилось нечто совершенно неожиданное. Я опять была в парке за своей любимой скамейкой. Я снова подслушала чужой разговор. Так плохо делать, но я не специально. Две женщины сели на мою скамейку и говорили о какой-то магии и способности предсказывать всякие вещи. Я в это не верю, но было интересно послушать. Потом они ушли, а я сделала еще более плохую вещь, чем подслушивание чужих разговоров. Но об этом я не буду писать. Вдруг меня посадят в тюрьму? И мой дневник будет как улика. Я не буду давать против себя показания. Я чи-

тала в одном детективе, что имею на это право. Молчать.
24 сентября»

«Моя Лика рассталась со своим другом. Она очень плакала сегодня, когда пришла к нам в гости. Говорит, что он ее бросил, и она чувствует себя очень несчастной. Честно говоря, мне никогда не нравился ее Саша, он такой противный и задавака. И я даже рада, что Лика больше не будет с ним дружить. Может, тогда она будет больше приходить к нам в гости или приглашать к себе? Но мне все равно ее жаль. Я так хотела ее утешить и придумала, что мне приснился сон, в котором они с Сашей снова вместе. Лика погладила меня по голове и грустно улыбнулась. Мне кажется, ей стало легче. 31 сентября

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.